

ФРоссийская Академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

На правах рукописи

КОРОЛЕВ
Кирилл Михайлович

**ФЭНТЕЗИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
актуализация условно-древнеславянской топки в контексте русского
культурного национализма**

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург, 2013

Работа выполнена в Центре теоретико-литературных и междисциплинарных исследований Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Научный руководитель:

доктор филологических наук
Панченко Александр Александрович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
Бобров Александр Григорьевич (ИРЛИ РАН)

доктор филологических наук, профессор
Адоньева Светлана Борисовна (СПбГУ)

Ведущая организация:

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН

Защита состоится 23 декабря 2013 года в ____ часов на заседании Специализированного совета Д.002.208.01 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д.4).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Автореферат разослан «__» ноября 2013 года.

Ученый секретарь Специализированного совета
Кандидат филологических наук

С. А. Семячко

Современная ситуация в русской литературе характеризуется последовательной коммерциализацией поля литературы под воздействием массовой культуры. Эта коммерциализация проявляется применительно к литературе как напрямую, когда произведение признается литературно-культурным фактом на основе тиражности и размера авторских отчислений, так и косвенно, в форме наполнения книжного рынка текстами тех жанровых направлений и тематик, которые пользуются преимущественным спросом читательской аудитории. Среди указанных направлений и тематик значительная доля популярности приходится на фэнтези.

Отметим сразу, что мы рассматриваем фэнтези не как сугубо литературное жанрово-тематическое единство, а шире, как социокультурное явление, обладающее устойчивым признанием весьма многочисленной аудитории. Подобное расширение границ, как представляется, позволяет проследить многие взаимосвязи и взаимодействия внутри данного суб-поля массовой культуры, которые иначе, если сосредоточиться исключительно на литературном элементе, оказываются неучтенными и необъясненными.

История фэнтези насчитывает всего около столетия, однако с позиций литературной преемственности у этого явления весьма богатая «родословная». Для русской литературы эта преемственность тоже прослеживается, пусть и не столь глубоко в прошлое, как для литературы западной, прежде всего англо-американской; поэтому говорить, что фэнтези в отечественной традиции – направление, привнесенное извне (а нам неоднократно доводилось слышать такое мнение, в том числе в научных дискуссиях и публикациях) – по нашему мнению, неправомерно. Показательно, что именно в русской литературе фэнтези обрела своеобразную национальную форму, известную как «славянская фэнтези».

Мы полагаем, что пример славянской фэнтези убедительно доказывает преемственность идеологических тенденций в отечественной культуре. Идеология, на которую опирается славянская фэнтези, во многих отношениях сохраняет актуальность для русской культуры в целом вот уже третье столетие. На протяжении указанного периода эта идеология, которую мы определяем как русский культурный национализм, получала многочисленные литературные манифестации, и славянская фэнтези выступает в данном случае как очередной этап освоения этой идеологии массовым искусством и массовой культурой. Под культурным национализмом мы понимаем совокупность идеологий и социальных практик, постулирующих и пропагандирующих приоритет конкретной культуры (в данном случае – русской) перед другими культурами и традициями.

Степень разработанности проблемы. Славянская фэнтези как самостоятельное направление в литературе и массовой культуре сформировалась сравнительно недавно, во второй половине 1990-х годов; да и само представление о фэнтези как литературном направлении и как социокультурном явлении до сих пор не получило должного внимания отечественной науки. Возможно, именно поэтому, несмотря на популярность данного направления у потребителей

массовой культурной продукции, академический интерес к указанному суб-полю массовой культуры сравнительно невелик: фэнтези в целом изучается в основном на западных литературных образцах (преимущественно – творчество Дж. Р. Р. Толкина и К. С. Льюиса), а славянская фэнтези анализируется в основном по функциональному признаку (герой славянской фэнтези; «Волкодав» – самый известный роман М. В. Семеновой – как пример современной феминистической прозы и т. д.); попыток же исследовать славянскую фэнтези как этап развития русского культурного национализма, истоки которого прослеживаются со второй половины XVIII столетия, и как своего рода «отражение» воспринятых современным обществом идеологием «фолк-истории» (популярной паранауки), не предпринималось вовсе, если не считать недавней статьи М. П. Абашевой¹, по сути, только обозначившей проблему.

В значительной степени исследовательский вакуум в изучении националистической проблематики славянской фэнтези для широкой публики восполняет публицистика: авторы последней смело, не утруждая себя доказательствами, выдвигают гипотезы о наличии особого «славянского мифа», который якобы противопоставляется в славянской фэнтези «западному прогрессистскому мифу» и составляет «идеологическое ядро» данного направления. Эти публицистические конструкты не столько помогают выявить и осознать своеобразие славянской фэнтези, сколько приносят в анализ литературных произведений полемическую и даже политическую ангажированность. Настоящая диссертационная работа представляет собой первый в отечественном литературоведении и в отечественной культурологии опыт научного анализа славянской фэнтези как элемента русского культурного национализма.

Объектом исследования в диссертационной работе выступают литературные манифестации культурного национализма, а **предметом исследования** – корпус художественных текстов, прагматически и функционально подпадающих под определение славянской фэнтези и славянского метасюжета.

Цель настоящей работы – на основе анализа художественных текстов современной российской массовой культуры показать сюжетную и тематическую специфику произведений, относимых к славянской фэнтези, объяснить причины популярности данного направления у потребителей культурной продукции и проследить эволюцию идеологием славянской фэнтези в историческом контексте русского культурного национализма.

Целью работы определяются конкретные **задачи исследования**, к которым относятся:

- изучение эволюции фэнтези как социокультурного явления в пространстве современной российской культуры;

¹ Абашева М. П. Славянские фэнтези: псевдоистория, мифогеография, квазиидеология // Культ-товары-XXI: ревизия ценностей (масскультура и ее потребители) / под общ. ред. И. Л. Савкиной, М. А. Черняк, Л. А. Назаровой. Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2012. С. 105-115.

- формулирование исследовательской концепции «славянского метасюжета» и анализ эволюции этого метасюжета в отечественной культуре;
- обнаружение идеологической преемственности между славянской фэнтези и отечественной литературой советского периода;
- выявление и анализ основных формул славянской фэнтези;
- анализ паранаучных концепций, формирующих идеологию славянской фэнтези;
- определение места славянской фэнтези в истории русского культурного национализма.

Предметом изучения являются художественные тексты российских авторов, опубликованные на русском языке в печатном виде или в форме электронного издания в 1995 – 2012 годах, а также литературные тексты советского периода, опубликованные как в СССР, так и за рубежом.

Диссертационное исследование опирается на конструктивистский, историко-литературный и социологический методы. В частности, такие понятия, как «народ», «нация», «патриотизм», «национализм» и т. д. трактуются в работе в соответствии с концепциями Б. Андерсона², Р. Брубейкера, Э. Хобсбаума, В. А. Тишкова: это интеллектуальные конструкты, признаки «вымышленных сообществ», создаваемые из субъективных представлений о реальном мире и служащие пропагандистским и мобилизационным целям. Традиционный для академического литературоведения историко-литературный метод предполагает изучение событий литературы и культуры в контексте исторического развития общества, исторической жизни идей. Наконец социологический метод, разработанный в трудах П. Бурдьё, Дж. Кавелти, Б. В. Дубина, Л. Д. Гудкова³, связан с пониманием литературы, прежде всего массовой, как одной из форм общественного сознания и как социального института; тем самым становится возможным изучать рынок производства символических / культурных ценностей, социальную динамику художественных вкусов, характер воздействия литературы на общественные представления.

² См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс Ц, Кучково поле. 2001; Брубейкер Р. Именем нации: размышления о национализме и патриотизме. // *Ab Imperio*. 2006. № 2. С. 59-79; Хобсбаум Э. Изобретение традиций // *Вестник Евразии*. 2000. № 1. С. 47-62; Тишков В. А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе. // *Вопросы социологии*. 1993. № 12. С. 3-38; Бучек А. А. Конструктивистский подход к исследованию этнического самосознания личности // *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*. 2011. № 2. С.5-13.

³ См.: Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. В 2 т.; он же: Поле литературы. // *Новое литературное обозрение*, № 45, 2000, С. 22-87; Кавелти Д. Изучение литературных формул // *Новое литературное обозрение*. 1996. № 22. С.33-64; Дубин Б. В. Семантика, риторика и социальные функции «прошлого»: к социологии советского и постсоветского исторического романа. М.: ГУ ВШЭ, 2003; он же: Советский и постсоветский исторический роман: герои, поэтика, социальные функции // *Феномен прошлого*. Ответ. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2005. С. 252-291; Гудков Л. Д. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. М.: НЛЮ, 2004; Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Литература как социальный институт. Статьи по социологии литературы НЛЮ, 1994.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Существующие дефиниции фэнтези как литературного направления и как социокультурного явления не учитывают важнейший родовой признак фэнтези – ее принадлежность массовой культуре. Фэнтези вне массовой культуры не существует: долгая предыдущая история изображения невозможного, невероятного и чудесного в литературе и культуре – это история эволюции конкретного художественного приема. Лишь в XX столетии, в эпоху современной массовой культуры, чудесное, иррациональное сделалось самостоятельной художественной парадигмой: сверхъестественное превратилось в необходимое условие существования вымышленного возможного мира.
2. Фэнтези как литературное направление и социокультурное явление была заимствована отечественной культурой, однако социальный спрос на патриотическую идеологию в литературе и культуре в целом привел к эволюции заимствованных сюжетно-тематических форм и трансформации этих форм под влиянием общественных настроений.
3. Славянская фэнтези и сопутствующие ей паранаучные концепции фолк-истори – очередной этап развития русского культурного национализма, текущая литературно-культурная манифестация славянского метасюжета.
4. Идеология славянской фэнтези, равно как топика и сюжетики этого литературного направления, восходит к позднесоветскому историческому роману и, шире, к идеологии «русской партии» в отечественной культуре советского периода.
5. В славянской фэнтези можно выделить три основные литературные формулы, на основании которых производится классификация художественных произведений, относимых к данному направлению.

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые в российском литературоведении рассматривается культурно-националистическая проблематика славянской фэнтези. Широкие общественные дискуссии 1990-х – 2000-х годов по поводу национальной идеи и «западной культурной интервенции» обосновывают **актуальность** изучения славянской фэнтези как социокультурного явления.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что ее результаты могут быть использованы в общих и специальных курсах по истории русской литературы и отечественной массовой культуры.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в виде докладов на Четвертой междисциплинарной молодежной научной конференции «Современные методы исследования в гуманитарных науках» (2012, ИРЛИ, Санкт-Петербург), конференции «Межэтнические и

межконфессиональные отношения в русском фольклоре и русской литературе» (2012, ИРЛИ РАН), а также на открытых заседаниях Центра теоретико-литературных и междисциплинарных исследований ИРЛИ (2011, 2012). Результаты исследования представлены в 11 публикациях, в том числе в 2 статьях опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК.

Структура работы определяется поставленными задачами. Диссертация состоит из основной части, изложенной на 176 страницах и включающей введение, три главы, разделенные на параграфы, заключение и список литературы из 444 наименований, а также приложений, в которых представлены библиографии изданий художественных и паранаучных текстов, относимых к славянской фэнтези и проанализированных в работе.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность проблемы, формулируются цели и задачи исследования.

Первая глава «Краткая история фэнтези как социально-культурного явления и проблематика его изучения» кратко излагает историю появления и развития фэнтези как литературного направления и как социокультурного явления, на Западе и в современной России.

В §1 анализируются различные дефиниции фэнтези – прагматические, то есть принятые в книгоиздании и у читателей, а также у других потребителей массовой культурной продукции, и определения, которыми оперируют публицистика и литературная критика. Прагматические подходы можно также назвать эмпирическими: эти подходы используют сложившуюся практику словоупотребления, благодаря чему к фэнтези становится возможным отнести значительное количество художественных текстов, причем начиная едва ли не с поэм Гомера (и тем самым как бы легализовать это направление в литературе), а также множество кинофильмов, произведений искусства и ролевых и компьютерных игр. Что касается подхода научного, здесь мы сталкиваемся с чрезвычайным разнообразием точек зрения, гипотез и теорий; это несколько удивляет, поскольку понятие «фэнтези» – во всяком случае, в западном литературоведении – используется уже с 1970-х гг. (а в издательской практике – и того ранее, с 1930-х гг.). Тем не менее, общепринятая дефиниция фэнтези отсутствует даже на Западе; отечественные же литературоведы и культурологи обратили внимание на фэнтези совсем недавно и во многом следуют западным определениям и трактовкам.

Кроме того, в этом параграфе анализируется история академического изучения фэнтези, на Западе, в СССР и в России, рассматриваются многочисленные научные дефиниции и делается вывод об игнорировании авторами определений важнейшего признака фэнтези – того факта, что она является неотъемлемой частью массовой культуры и не существует вне масс-культурного пространства. Все прагматические характеристики фэнтези суть признаки явления массовой культуры. Как пишет В. П. Руднев, массовая культура

«традиционна и консервативна. Она ориентирована на среднюю языковую семиотическую норму, на простую прагматику, поскольку она обращена к огромной читательской, зрительской и слушательской аудитории...» При этом необходимым свойством продукции массовой культуры выступает занимательность, «чтобы она имела коммерческий успех, чтобы ее покупали и деньги, затраченные на нее, давали прибыль». Занимательность же в данном случае, по мнению Руднева, задается «жесткими структурными условиями текста», причем в «своей примитивности [эта продукция] должна быть совершенной». Направления массовой культуры обладают «жестким синтаксисом»; подобная жесткая структурная схема позволяет читателю/зрителю/потребителю мгновенно опознавать конкретное направление массовой культуры в образцах продукции, причем опираясь не на жанрово-тематические различия, а на насаждаемые этой культурой «ненарушаемые» семиотические коды. В итоге получается, что фэнтези, будучи разновидностью массовой культуры, фактически неопределима сама по себе, вне пространства и контекста массовой культуры⁴.

В завершение параграфа предлагается новая дефиниция фэнтези, учитывающая принадлежность фэнтези массовой культуре и помещающая это направление/явление в широкий культурный контекст. Фэнтези, согласно этому определению, есть тематическое направление, массово воспроизводящее возможность приобщения к чудесному/иррациональному через ретроспективное погружение в романтизированный условно-средневековый литературно-культурный стереотип.

В §2 рассматриваются классификации произведений фэнтези, анализируются их достоинства и недостатки и предлагается использовать в качестве классификатора понятие «метасюжет», под которым понимается общий культурно-идеологический организованный контекст, образованный совокупностью сюжетов определенной тематики. На основании этого классификатора вводится аналитическая таксономия метасюжетов фэнтези. Опираясь на понятие метасюжета и на сюжетно-тематический принцип классификации фэнтези, мы выделяем в современной фэнтези следующие метасюжеты:

- героико-эпический (или «высокая» фэнтези, или «меч и магия»);
- готический (хоррор и вампирская тематика);
- «темный» («низкая» фэнтези, героико-эпическая фэнтези «наоборот»);
- городской (вторжение потустороннего в современную жизнь);
- детективный (детективные сюжеты в фэнтезийных мирах);
- альтернативный (изменение хода истории в реальном мире под воздействием магии);
- исторический (художественное изложение событий истории вымышленного мира, с минимальным вниманием к проявлениям

⁴ См.: Руднев В. П. Массовая культура. / Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. С. 157-158.

иррационального в этой истории).

Данные метасюжеты характерны, по нашему мнению, именно для современного состояния фэнтези; в истории этого явления можно выделить и другие метасюжеты, но сегодня они, как представляется, не являются актуальными – так, авантюрный метасюжет, свойственный первому этапу развития фэнтези («прото-фэнтези», 1920-е – 1940-е годы), эволюционировал в нынешний героико-эпический, и аналогичная эволюция зафиксирована для других ранних метасюжетов.

В параграфе также обосновывается необходимость выделения в отдельную категорию «национальных», то есть культурно-националистических художественных произведений. «Национальный» метасюжет сыграл и продолжает играть значимую роль в развитии отечественной литературы данного направления. Для западной, то есть англо-американской, фэнтези национальный метасюжет не существует – точнее, западная фэнтези в значительной степени существует внутри «евроатлантического» метасюжета: большинство авторов черпают материал преимущественно из свода западноевропейских историко-культурных традиций. Возможно, единственным примером национального метасюжета в западной фэнтези является так называемая «артурианская фэнтези», то есть художественные тексты, основанные на преданиях о короле Артуре и его рыцарях. Впрочем, эти предания (и рыцарские романы) уже давно признаны общеевропейским культурным достоянием, поэтому мы вряд ли можем причислить их к манифестациям «национального элемента» в фэнтези. А вот для славянских стран (Россия, Украина, Белоруссия, Польша) «национальная» фэнтези – самостоятельное литературно-культурное направление.

Построение классификации фэнтези на основе метасюжетов позволяет формализовать указанную классификацию по сюжетно-тематическому принципу, причем такой классификатор обеспечивает широкий контекст для каждой категории. Кроме того, классификация с использованием метасюжетов обладает достаточно гибкостью, чтобы учитывать дальнейшую эволюцию фэнтези как литературного и социально-культурного явления

В §3 кратко излагается история фэнтези в западной литературе и культуре: рассматриваются соперничающие традиции «прото-фэнтези» - английская и американская, анализируется направление «меча и магии», достаточно подробно анализируется творчество Дж. Р. Р. Толкина и К. С. Льюиса, авторов «инвариантных» произведений современной фэнтези, показывается влияние этих произведений на последующие тексты других писателей; одновременно производится классификация наиболее популярных и значимых западных фэнтези-текстов по предложенной в предыдущем параграфе схеме на основе метасюжетов. Кроме того, уделяется внимание не только литературной, но и кинематографической фэнтези, а также игровой субкультуре, и подводятся итоги эволюции направления в западной литературе и культуре, а также прогнозируются тенденции дальнейшего развития.

В §4 рассказывается о становлении и развитии фэнтези в современной

русской культуре: обосновываются хронологические рамки изучаемого периода, анализируется влияние перевода на русский язык «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкина на формирование фэнтези-культуры, исследуется эволюция читательских/зрительских предпочтений в постсоветский период, кратко описывается издательская история первых публикаций российских авторов фэнтези, вычленяются основные метасюжеты российской фэнтези, обращается внимание на кинематограф и сетевую культуру.

Глава вторая «Славянский метасюжет в русской культуре нового и новейшего времени» посвящена изучению трансформаций славянского метасюжета в советской массовой культуре, по отношению к которой современная российская массовая культура во многом выступает преемницей.

В §1 рассматривается славянская тема в современной массовой культуре, обосновываются отношения преемственности между современной массовой культурой и массовой культурой позднесоветского периода (1960-е – 1980-е годы).

Массовую культуру мы понимаем как социальную универсалию индустриального и постиндустриального общества, когда технические средства устранили сначала локальные, а затем и национальные барьеры распространения информации и обеспечили внедрение массового образования на уровне, хотя бы минимально необходимом для потребления этой информации: это совокупность социальных идеологий, гуманитарных технологий и культурных ценностей, воспринятых и тиражируемых массовым сознанием⁵ в качестве социальных стереотипов, моделей для воспроизведения «конвенциональных значений»⁶. При таком понимании массовая культура проявляет себя как «гибкий механизм определения, какие ценности и в какой степени действительно распространены в обществе»⁷.

В известной степени массовая культура является идеологической преемницей культуры традиционной; различие между ними состоит в том, что вторая определяется исследователями как культура бесписьменного общества, тогда как первая подразумевает определенный уровень массовой грамотности.

Массовая культура как явление подразумевает космополитичность, наднациональность культуры. Однако данная культура обладает высокими адаптивными свойствами, которые способствуют появлению ее многочисленных локальных форм, учитывающих историческую и национальную специфику. (При этом осуществляемая массовой культурой унификация культурных смыслов и ценностей сомнения не вызывает.) «Массовая культура космополитична по своей природе, однако в определенном социальном и культурном контексте она приобретает ярко выраженные особенности и образует весьма специфичные

⁵ О массовом сознании см.: Грушин Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987; Туманов С. В. Современная Россия: Массовое сознание и массовое поведение: Опыт интегративного анализа. М.: Изд-во МГУ, 2000.

⁶ Гудков Л. Д. Массовая литература как проблема. Для кого? // НЛЮ. №22. 1996. С. 95.

⁷ Гудков Л. Д. Массовая литература как проблема. Для кого? С. 93.

национальные варианты...»⁸

Специфика российского националистического дискурса в преломлении массовой культуры заключается, с одной стороны, в героизации и сакрализации прошлого как средства обретения или восстановления национально-культурной идентичности, а с другой – в стремлении переосмыслить это прошлое с позиций приоритета культурных достижений русского народа в мировой истории (своего рода «протестная героизация»). В первом случае прошлое трактуется массовым сознанием как историческое, то есть документально зафиксированное и научно подтвержденное; во втором случае оно воспринимается как антиисторическое, недостоверное и даже «конспирологическое», «оболганное» официальной наукой и фальсифицированное псевдоисторическими документами, то есть как прошлое, которого не было и которое скрывает «подлинную» историю. Несмотря на полярность указанных воззрений, они мирно сосуществуют в современной российской массовой культуре, оказывая непосредственное влияние на массовое искусство. При очевидном взаимоотрицании, у этих точек зрения есть нечто общее, а именно – использование образа прошлого для конструирования желаемого будущего – будущего, в котором Россия предстает великой и могучей державой⁹.

Отдельно подчеркивается произвольность, конструируемость образа «славного прошлого», на который во многом опираются современные художественные и паранаучные трактовки славянского метасюжета.

В современном российском патриотическом контексте образ прошлого имеет синкретический характер – он одновременно историчен и антиисторичен. Причем его историчность находит выражение сразу в двух хронотопах, которые подвергаются героизации и сакрализации, – в хронотопе недавнего прошлого (прежде всего, период Великой Отечественной войны) и в хронотопе отдаленного прошлого (времена Киевской Руси, противостояния Степи и вторжениям с Запада). Именно здесь, кстати, исторический образ прошлого пересекается с антиисторическим (последний утверждает «альтернативную» историю России, намного более древнюю и, если можно так выразиться, содержательную): эпоха Киевской Руси – «переосмысленная» сегодняшней массовой культурой – и во втором случае представляется золотым веком, образцом для воспроизведения и подражания.

Возможно, именно благодаря своей синкретичности образ прошлого приобрел такую популярность в современном массовом сознании и в массовом искусстве. История, «которой не было», представляется еще более героической,

⁸ Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 100.

⁹ Ср. рассуждения М. А. Кутузова о конструировании прошлого как способе управления будущим: Кутузов М. А. Массовая культура как способ видения будущего // Сетевой альманах «Русский архипелаг», 2003, <http://www.archipelag.ru/authors/kutuzov/?library=1134>. См. также: Шнирельман В. А. Президенты и археология, или Что ищут политики в древности: далекое прошлое и его политическая роль в СССР и в постсоветское время // Империя и нация в зеркале исторической памяти. Сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 357-405.

чем официальная, предлагает еще больше примеров патриотизма¹⁰ и поводов гордиться своей национальной принадлежностью; сконструированный образ прошлого выступает как «важный символический ресурс, открывающий путь к господству и власти. Он культурно окрашен и предполагает наличие особых стоящих за ним интересов. Эти интересы не всегда осознаются, зато всегда находят эмоциональное выражение»¹¹. Одним из таких «эмоциональных выражений» образа прошлого в российской массовой культуре является славянский метасюжет.

Безусловно, этот метасюжет в отечественной культуре имеет долгую историю, его зарождение можно возвести к общественным дискуссиям славянофилов и западников в XIX столетии. Однако нас интересует бытование данного метасюжета исключительно в массовой культуре, следовательно, мы вправе ограничить хронологические рамки нашего исследования второй половиной XX и первым десятилетием XXI века.

Славянский метасюжет в своем современном воплощении начал оформляться (или конструироваться) в отечественной массовой культуре с 1990-х годов. Формирование этого метасюжета обусловили, по нашему мнению, следующие социально-исторические процессы и явления:

1) публикация массовыми тиражами этнографических и фольклорно-мифологических исследований, ранее недоступных широкой публике (1989 – 1998 гг.);

2) активизация общественных движений националистического толка – общества «Память» и др. – и рецепция их идеологии массовой культурой (1987 г. – по настоящее время)¹²;

3) появление и пропаганда понятия «демократический патриотизм» и призывов к поиску национальной идеи в государственной идеологии (1994-1996 гг.) и последующая эволюция этих концепций (1998 г. – по настоящее время)¹³;

4) «коммерческая легитимация», то есть, тиражирование СМИ, в том числе телевидением, паранаучных концепций – «новой хронологии», различных конспирологических теорий, фолк-истории и т.д. (1992 г. – по настоящее время);

5) превращение научных дискуссий о началах русской государственности (норманнская теория и антинорманизм) в мифологему массового сознания, в том числе под влиянием паранаучных спекуляций (середина 1990-х гг. – по настоящее время);

¹⁰ Ср. замечание Н. Г. Щербининой: «Героизация и сакрализация важного исторического события, которое фиксируется как элемент модели исторического прошлого, пропагандируемой официальным дискурсом... делает невозможной репрезентацию другого прочтения прошлого или попытку его рационального переосмысления». // Щербинина Н. Г. Героический миф в конструировании политической реальности России. Автореф. дис. д-ра лит. наук. МГУ, 2008.

¹¹ Шнирельман В. А. Нет истории в своем отечестве. Лекция в Политехническом музее 7 декабря 2012 г. // Общественно-политический портал Openspace, <http://www.openspace.ru/article/680>.

¹² См.: Korey W. Russian Antisemitism, Pamyat, and the Demonology of Zionism. Newark: Harwood Academic Publishers, 1995.

¹³ См.: Пантелеев С. Ю. К вопросу о государственной идеологии в посткоммунистической России. Доклад на Международной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов-2001», 21 апреля 2001 г. МГУ. // <http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/lomweb01/pantele.htm>.

6) демаргинализация и культурная легитимация русского неоязычества / родноверия, а также популяризация родноверской идеологии в СМИ и в Интернете (начало 1990-х гг. – по настоящее время);

7) появление и закрепление в отечественном массовом искусстве, прежде всего в литературе и кинематографе, таких направлений как «славянская фэнтези» (1995 г. – по настоящее время) и «альтернативная история» (1997 г. – по настоящее время), а также «историософского романа»;

8) оформление националистического дискурса в сетевой культуре.

Все эти факторы в совокупности формируют текущее состояние славянского метасюжета в российской массовой культуре. Но многие из них являются современными социокультурными манифестациями процессов и тенденций, свойственных советской массовой культуре, особенно ее позднего периода (1960-е – 1980-е годы). Поэтому представляется необходимым охарактеризовать указанные процессы и тенденции в их историческом развитии.

В §2 анализируются манифестации славянского метасюжета в советской культуре 1920-х – 1950-х годов: рассматривается формирование советской массовой культуры и проникновение в эту культуру национализма, санкционированное «сверху». Культурный национализм превратился, как отмечают К. Платт и Д. Бранденбергер, в способ ««мифологизировать настоящее как сцену триумфальной победы над внутренними и внешними врагами, стихиями, самим временем под предводительством здравствующего вождя»¹⁴. Внимание к древнеславянской тематике, наряду с изданием многочисленных фольклорных сборников и научных работ по данному направлению, а также с развитием «Артели древней живописи» в Палехе, обуславливалось оформлением официального историографического канона, призванного продемонстрировать поступательность отечественной истории – от былинных богатырей до «нашего времени – времени эпоса»¹⁵.

Той же цели служило использование славянского метасюжета в изобразительном искусстве и в кинематографе. Книжная графика в иллюстрированных публикациях фольклорных текстов, прежде всего былин, ориентировалась на «романтический национализм» В. М. Васнецова. В годы Великой Отечественной войны и в послевоенные годы героические образы русского эпоса воспроизводились государственной пропагандой в многочисленных плакатах; живопись обращалась к сюжетам древнерусской истории, подчеркивая героизм и символизм противостояния врагу, причем художественная стилистика этих полотен, опять-таки, была близка васнецовскому «романтическому национализму». Тиражирование произведений Васнецова и его «продолжателей» в книжных иллюстрациях привело к формированию своего рода «канона визуализации» эпических героев, позднее банализированного в

¹⁴ Platt K.M.F., Brandenberger D. Terribly Romantic, Terribly Progressive, or Terribly Tragic: Rehabilitating Ivan IV under I.V. Stalin // *Russian Review*. 1999. Vol. 58. P. 653.

¹⁵ Бачелис И. Сергей Эйзенштейн // *Известия*. 1940. 11 февраля. С. 4. О «лаковых коробочках» из Палеха и «древнерусском китче» см.: Бойм С. Китч и социалистический реализм // *НЛО*. 1994. № 15. С.54-65.

творчестве К. А. Васильева, художника, весьма популярного у поклонников славянской фэнтези и у приверженцев националистической идеологии¹⁶. Более того, бытующее в современном массовом сознании представление о трех «главных былинных героях» — Илье Муромце, Добрыне Никитиче и Алеше Поповиче — во многом обязано сюжетике картины Васнецова «Три богатыря», а вовсе не былинам, в сюжетах которых эти богатыри редко действуют вместе¹⁷.

В параграфе обрисовывается патриотический контекст культуры этого периода, показываются объективные и субъективные предпосылки возникновения «руссцентризма» в государственной идеологии, пропаганде и отечественной культуре.

В §3 изучаются трансформации славянского метасюжета в позднесоветской массовой культуре: доказывається связь между принудительной «славянизацией» культуры и государственными пропагандистскими кампаниями по борьбе с космополитизмом, обсуждается формирование русской национальной идентичности, рассматриваются этапы развития русского культурного национализма (от антисемитизма до возрождения идей почвенничества, популяризации монархических настроений и введения фолк-истории в контекст массовой культуры).

По нашему мнению, в совокупности причин усиления русского культурного национализма выделяются две основные:

- обращение советской интеллигенции к историческому и псевдоисторическому прошлому «в противовес официальной сталинской версии народа и патриотизма»;
- «разрушение монолитной идеологии», то есть устранение этической идеи «государства-церкви и рая на земле», в результате чего люди стали искать «ту этическую идею, которая цементировала бы общество»¹⁸.

Проявления интереса к национальному прошлому в этот период носили самый разнообразный характер; с позиций культурного производства, оказывавшего непосредственное влияние на массовое сознание и, в свою очередь, им стимулируемого, отметим следующие:

- научные исторические и филологические дискуссии, имевшие широкий общественный резонанс (например, полемика об историзме былин 1961-1964 гг.);
- публикация в СМИ в литературных журналах публицистических материалов о вымирании русской деревни и гибели «русской старины»;
- возрождение идеологии почвенничества в творчестве писателей-

¹⁶ См.: Пронин Г. В. Загадка художника Константина Васильева // Казанский альманах. 2006. № 1. С.170-191.

¹⁷ См.: Илья Муромец / Подг. текстов, статьи и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л.: Наука, 1958; Добрыня Никитич и Алеша Попович / Изд. подг. Ю. И. Смирнов и В. Т. Смолицкий. М.: Наука, 1974.

¹⁸ Синявский А. Д. Русский национализм // Синтаксис. 1989. № 26. С. 106.

- «деревенщиков» и в публицистике¹⁹, редакционная политика литературных журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник» и противостояние этих журналов либеральному «Новому миру»²⁰;
- формирование «русской партии» в литературе и других отраслях культурного производства²¹;
 - зарождение «новой хронологии» и фолк-истории и распространение в самиздате идей и лекций М. М. Постникова²²;
 - «русская тема» в творчестве и общественной деятельности художника И. С. Глазунова;
 - создание Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК);
 - введение в пространство научного познания (пока еще – не массовой культуры) «Велесовой книги»²³.

При этом, как отмечает большинство исследователей²⁴, «русское движение» в рамках советского социума ни в коей мере не было однородным. Среди его представителей и аморфная «национально-православная» (термин Д. Данлопа) интеллигенция, и «возрожденцы» (православные диссиденты), и национал-большевики (русские шовинисты), и сторонники восстановления монархии, и защитники традиционной (крестьянской) культуры, а антисемиты, и неоязычники... Вдобавок все эти группы внутри «русского движения» не имели четкого разделения, так что один и тот же русский шовинист, к примеру, мог оказаться одновременно православным антимонархистом, но поборником традиционной культуры – плюс «официальным» коммунистом, ревностно и публично отстаивающим на словах коммунистические идеалы²⁵. Для нас принципиально важным является то обстоятельство, что эти группы, течения и идеи оказывали опосредованное искусством воздействие на массовое сознание

¹⁹ См.: Зезина М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 1960-е годы. М.: Диалог-МГУ, 1999; Большакова А. Ю. Нация и менталитет: Феномен «деревенской прозы» XX века. М.: Комитет по телекоммуникациям и средствам массовой информации Правительства Москвы, 2000.

²⁰ См. указанную работу М. Р. Зезиной, а также монографии Н. А. Митрохина «Русская партия» (М.: НЛО, 2003) и исследование У. Лакера «Черная сотня» (М.: Текст, 1994). Взгляд «изнутри» на деятельность «Молодой гвардии» см. в статье С. Николаева (псевдоним С. Н. Семанова) «Молодая гвардия русского возрождения» (Вече. Мюнхен, 1994. № 52. С.107-114).

²¹ См.: Митрохин Н. А. Русская партия: движение русских националистов в СССР, 1953-1985 годы.

²² См. воспоминания самого М. М. Постникова об этом периоде: Необходимые разъяснения к статье «О достоверности древней истории» // Математическое образование. № 2, 1997. С. 100-107..

²³ См.: Жуковская Л. В. Поддельная докириллическая рукопись // Вопросы языкознания. 1960. №2. С. 142-144; Каганская М. Россия во мгле // Шутовской хоровод. Избранное 1977-2011. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2011. С. 226-228.

²⁴ См. указанную работу Н. А. Митрохина, а также: Duncan P. Russian Messianism. Third Rome, Revolution, Communism and After. London: Routledge, 2001; Данлоп Д. Новый русский национализм. М.: Прогресс, 1986; Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежнев, 1953-1970. М.: АИРО-XX, 1999; Верховский А. М. (сост.). Национализм и ксенофобия в российском обществе. М.: Панорама, 1998.

²⁵ О советском «двомыслии» как характерной особенности советского социального человека см.: Левада Ю. А. Простой советский человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993; Дубин Б. В. Советский и постсоветский исторический роман: герои, поэтика, социальные функции // Феномен прошлого. Ответ. ред. И. М. Савельева, А. В. Полетаев. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2005. С. 252-291; Макаренко В. П. Проблема двоемыслия и природа евро-российского интеллектуализма // Политическая концептология. 2010. №4. С. 4-27; Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation. Princeton University Press, 2006.

советских людей и на советскую массовую культуру, формируя комплекс масс-культурных стереотипов, которые будут постепенно актуализированы в 1980-х годах, а затем, после короткого «идеологического вакуума», прочно обоснуются с середины 1990-х годов в современной отечественной массовой культуре.

В §4 анализируются образцы и модели славянского метасюжета в культурном производстве позднесоветского периода, прежде всего – в советском историческом романе, на примерах произведений В. Яна, В. Д. Иванова, А. К. Югова и других авторов, а также на примерах фантастических произведений писателей так называемой ефремовской школы (они же – «молодогвардейцы», по названию издательства «Молодая гвардия», преимущественно публиковавшего этих авторов). Показывается, что и в историческом романе, и в советской «молодогвардейской» фантастике наличествует большинство тех сюжетных схем и моделей, художественных приемов и лексических конструкций, которые современные литературоведы, критики и читатели признают «родовыми» признаками текстов славянской фэнтези.

В частности, можно отметить следующие элементы «славянского» шаблона:

- романтический герой-одиночка, бросающий вызов традиционному укладу жизни;
- идеализация (опять-таки, романтическая) «своего», прежде всего «земли», «почвы» и «языка»;
- абсолютизация инакости «чужого» (с чужими, неславянами, не договариваются, их грабят и уничтожают);
- алиенизация Степи (противопоставление оседлых славян кочевым степнякам, которые «не в силах понять» славянский образ жизни);
- условно-средневековый мир, в котором разворачивается действие;
- поклонение языческим божествам как элемент достоверности «декораций», на фоне которых разворачивается действие;
- былинно-сказительская стилистика повествования (уснащение текста историзмами и архаизмами, использование лексических оборотов из былин, былинный «напевный склад» речи героев и т. д.);
- широкое использование архаизмов и псевдо-архаизмов для создания языковой картины славянской древности; при этом допускается использование лингвистических анахронизмов или условных анахронизмов.

Отдельно рассматриваются получившие широкое признание и ставшие достоянием массовой культуры паранаучные историософские теории В. И. Щербакова и В. А. Чивилихина, творчество художника К. А. Васильева и метаморфозы славянского метасюжета в позднесоветском сказочном кино. Кроме того, выделяются и изучаются литературные тексты, которые можно охарактеризовать как российскую «прото-фэнтези», – «сказочные» стихотворения В. С. Высоцкого, повесть «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких и сказка «Про Федота-стрельца, удалого молодца» Л. А. Филатова.

В §5 рассматривается зарождение неоязычества в поздней советской

культуре: анализируется мировоззрение русских националистов, показываются пути эволюции от антисемитизма и монархизма к «почитанию родных богов», постулируется влияние на советскую интеллигенцию теософских практик и идеологии New Age, побуждавших искать «правильную веру». Мы разделяем точку зрения А. В. Гайдукова, который различает язычество и неоязычество на основании прерванности традиции: если язычество, «совокупность домонотеистической мифологии и обрядности», в том числе современное, сохраняет преемственность архаического мышления, то неоязычество, «совокупность религиозных, парарелигиозных, общественно-политических и историко-культурных объединений и движений»²⁶, характеризуется именно тем, что стремится восстановить прерванную традицию, реконструировать ее в соответствии с собственными представлениями об этой традиции, то есть, налицо классическое конструктивистское «изобретение традиции». Причем если для идеологов неоязычества и их последователей эти представления имеют сакральный смысл, то в массовой культуре они банализируются, профанизируются и становятся стереотипами, которые начинает использовать культурное производство.

Что касается термина «родноверие», он появился сравнительно поздно, уже в 1990-х годах, и по сей день не имеет строгого толкования. Как указывает К. Айтатурто²⁷, сами неоязычники предпочитают определения «ведизм» (от глагола «ведать») и «православие» (произвольная этимология от «правь», «правда», и «славить»). Тем не менее, термин «родноверие» получил довольно широкое распространение в СМИ, да и часть неоязычников им все-таки пользуется. Мы используем этот термин и его производные как синонимы определения «неоязычество».

Также в параграфе рассказывается о начале деятельности в СССР родноверских общин и анализируется «Велесова книга» как сакральный текст русского неоязычества и как артефакт отечественной массовой культуры. Подробное описание идеологии и эволюции отечественного неоязычества ни в коей мере не является целью настоящей работы; мы лишь обозначаем «точки соприкосновения» этого социокультурного явления с поздней советской и постсоветской массовой культурой. Главным, на наш взгляд, следствием этого взаимодействия стало возникновение такого направления в отечественной культуре, как фолк-истори, – направления, безусловно, паранаучного, но коммерчески весьма успешного (последнее обстоятельство для массовой культуры выступает необходимым условием кодификации конкретного явления).

Популярность фолк-истори в современной массовой культуре России Д. М. Володихин объясняет тремя факторами: во-первых, лакуной в идеологии, образовавшейся после краха «монистического мировоззрения», — с утратой этого

²⁶ Гайдуков А. В. Идеология и практика славянского неоязычества. Автореф. диссер. канд. филос. наук. СПб., 2000.

²⁷ Aitamurto K. Russian Rodnoverie. Negotiating Individual Traditionalism. A Paper presented at the 2007 International Conference, Bordeaux, France. June 7-9, 2007. Электронный вариант: http://www.cesnur.org/2007/bord_aitamurto.htm.

мировоззрения оказался поколеблен авторитет гуманитарных наук в целом, вследствие чего в науку хлынули непрофессионалы, а «в сферу взаимодействия исторической науки и общества вторгся журналист, тесня более качественную, но запаздывающую информацию исследователей, собственной, поверхностной, однако быстрее доходящей до потребителя»; во-вторых, возникновением националистических идеологий в республиках бывшего СССР и стремлением сформировать собственную национальную идентичность; наконец, в-третьих, «обмирщением» (термин Д. М. Володихина) науки как таковой по западному образцу. «Если для западного мира функционирование значительной части гуманитарной сферы в рамках массовой культуры — привычное дело, то в России расслоение на производителей духовных ценностей для интеллектуальной элиты и для массового потребителя в среде гуманитариев еще не окончено. Возникновение империи "фольк-истории" в сущности отражает социальный аспект медленного погружения большей части системы исторического знания в среду массовой культуры»²⁸.

К современной российской фольк-истории относятся разнообразные «новые хронологии», разрабатываемые школой А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, «подлинные национальные истории» (самый известный автор здесь М. Аджиев (Аджи)), «истории тайн и загадок» (О. В. Сулейменов, Э. Р. Мулдашев, В. М. Кандыба, Э. С. Радзинский, А. А. Бушков) и др. Все эти авторы, так или иначе, обращаются в своих «исследованиях» и к славянскому метасюжету; особое место в нынешней фольк-истории занимает «славянская историография» — направление массовой культуры, возникшее на стыке культурного национализма и «пропущенного» через массовую культуру неоязычества. Это направление, представленное изысканиями многочисленных историков-любителей и филологов-непрофессионалов, сегодня пользуется общественным доверием и активно присутствует в идеологическом и медиальном пространстве современной России.

По нашему мнению, именно это направление фольк-истории в значительной степени — намного сильнее, чем доктрины родноверов — повлияло на топику славянской фэнтези.

Глава 3 «Формулы славянской фэнтези» представляет основные литературные формулы славянской фэнтези и анализирует эволюцию этих формул вплоть до сегодняшнего дня. При анализе обработок славянского метасюжета в современной российской массовой литературе (и смежных видах культурного производства) мы опираемся на концепцию «литературной формулы», предложенную Дж. Кавелти²⁹ и впоследствии расширенную им до концепции «формульного повествования». Как представляется, определение формулы как конвенциональной структуры сюжетов и образов, лежащих в основе

²⁸ Володихин Д.М. Феномен фольк-истории. // Международный исторический журнал. № 5. Сентябрь-октябрь, 1999. / «Махаон», интернет-издание - <http://history.machaon.ru/>, ISSN 1606-6502.

²⁹ Кавелти Д. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С.33-64; Cawelty J. *Mystery, Violence, and Popular Culture*. Chicago: Popular Press, 2004.

однотипных произведений, выдвинутое Дж. Кавелти³⁰, применимо и к славянской фэнтези в целом, и к ее различным тематическим вариациям, или сюжетам; кроме того, использование этого термина позволит избежать ненужных тавтологий (сюжет – метасюжет).

В §1 рассматривается героико-эпическая формула славянской фэнтези: выявляются ее основные признаки и отличительные особенности, изучаются основные произведения этой формулы – «Волкодав» М. В. Семеновой, «Владигор» Л. Бутякова, «Ладога» О. А. Григорьевой, а также цикл «Богатырские хроники» К. В. Плешакова и романы «Храбр» О. В. Дивова и «Илья Муромец» И. В. Кошкина. Примечательно, что последние два романа – новый этап полемики вокруг антинорманизма: роман Дивова в значительной степени «норманнский», тогда как роман Кошкина, написанный в ответ Дивову, подчеркнуто «анти-норманистский».

В §2 анализируется «альтеративно-компенсирующая» формула славянской фэнтези – произведения, сюжет которых строится на попытках «переписать» фактическую историю. Большинство критиков и читателей относят эти произведения к научной фантастике, однако, по нашему мнению, о научности этих текстов говорить не приходится, а чудесные способы, которыми происходит преобразование былой России в могучую современную державу, дают все основания причислить эти произведения к суб-полю фэнтези. В качестве примеров для анализа используются тексты популярного писателя Р. В. Злотникова.

В §3 изучается родноверская формула славянской фэнтези, то есть «аутентичные» художественные тексты, реконструирующие дохристианскую языческую Русь. На основании опросов российских писателей делается вывод о слабом знакомстве большинства из них с этнографическими и фольклорными источниками; как следствие, даже при беглом прочтении текстов выясняется, что основная масса «родноверских» беллетристических реконструкций опирается не на этнографические данные, а на паранаучные теории в духе «новой хронологии» и на источники наподобие «Велесовой книги». В «родноверских» произведениях главное – не сюжет, а идеология, реконструкция, сколь угодно произвольная в трактовках, дохристианского, языческого мировоззрения. Во многом, как представляется, именно поэтому число произведений, относящихся к данному направлению, не слишком велико – они конкурируют за внимание читателя с «исходными» текстами, то есть с изложением паранаучных концепций о «славянской древности», и в этой конкуренции паранаучные тексты безусловно побеждают, если судить по тиражам.

В §4 анализируется деконструкционистская формула славянской фэнтези – произведения, в которых славянский метасюжет переосмысливается комически и сатирически. На примерах текстов М. Г. Успенского, Е. Ю. Лукина, А. О. Белянина и других авторов показываются способы деконструкции славянского

метасюжета и объясняется востребованность подобной деконструкции у значительной доли читательской аудитории. Особо подчеркивается преемственность приемов деконструкции, восходящая к советскому сказочному кинематографу и творчеству В. С. Высоцкого. Также уделяется внимание феминистической юмористической фэнтези – прежде всего, произведениям О. Н. Громыко.

В заключении подводятся итоги исследования. Славянская фэнтези, представленная четырьмя основными формулами, за короткий срок прошла путь от прямого подражания западным литературным образцам до полной творческой самостоятельности. Десятилетие популярности (1995 – 2007 годы) ознаменовалось публикацией значимых для современной массовой литературы и массовой культуры произведений: «Волкодав» М. В. Семеновой, «Там, где нас нет» М. Г. Успенского, «Храбр» О. В. Дивова, «Опергруппа в Лукошкино» А. О. Беянина. Эти и другие тексты, равно как и их популярность у читателей, не только способствовали формированию литературного направления, но и отражали общественный интерес к поиску «национальных корней», к восстановлению национальной идентичности, то есть являлись литературной манифестацией современного культурного национализма.

Впрочем, сегодня славянская фэнтези из оригинального и актуального направления массовой литературы постепенно превращается в аморфное и трудно локализуемое течение в общем потоке массовой литературы. Среди ряда причин, вызвавших это превращение, главной, на наш взгляд, является разрыв культурной традиции: новое поколение читателей, гораздо малочисленнее предыдущих, выросло на продуктах глобализированной культуры, поэтому те стереотипы массового сознания, к которым апеллирует националистическая фэнтези в частности и культурный национализм в целом, для него не имеют символической ценности.

В целом славянской фэнтези понадобилось всего десятилетие, чтобы исчерпать «конечную вселенную потенций» (П. Бурдьё) и превратиться из актуального социокультурного явления в факт истории культуры.

Список публикаций

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Жанр фэнтези в России: предыстория и метасюжет // Русская литература. 2013. № 2. С. 243–258
2. «А не лепо ли бяше нам, братия?»: базовые сюжеты славянской фэнтези // Новое литературное обозрение. 2013 (в печати).

Другие публикации:

Книги

1. *Королев К. М.* Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Эксмо, 2005.
2. *Королев К. М.* Энциклопедия сверхъестественных существ. М.: Эксмо, 2002.

Статьи:

1. «Русские этруски» и поиски национальной идеи // Электронный ресурс «Взгляд из Петербурга», <http://www.vzspb.ru/autors/blog-051/159>. 2013.
2. Языческие традиции европейского Севера // Скандинавская мифология: энциклопедия. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2004. С. 455-484.
3. Индоевропейская традиция // Языческие божества Западной Европы: энциклопедия. М.: Эксмо, СПб.: Мидгард, 2005. С. 7-16.
3. Священная география и священная история // Мифология Британских островов: энциклопедия. М.: Эксмо, СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 13-64.
4. Универсальная письменность: в погоне за мечтой. // История письма. М.: Эксмо, 2002. С. 386-397.
5. Соседи по планете // Если, № 9 (23), 1994. С. 94-96.
6. О кузнецах и кольцах // Вагнер Р. Кольцо Нибелунга. М.: Эксмо, 2001. С. 749-764.